

Л. ПАЧИНИ-САВОЙ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ДИПЛОМАТ XVIII ВЕКА — ПЕРЕВОДЧИК «РОССИАДЫ»

13 июля 1782 г. Антонино Мареска ди Серракаприола был назначен полномочным министром Королевства обеих Сицилий в Петербурге. Назначен он был вместо Муцио Гаэта, первого неаполитанского представителя при российском дворе.¹ Назначение вызвало изрядное удивление и послужило поводом для всякого рода насмешливых кривотолков. До этого тридцатидвухлетний герцог был известен лишь своею склонностью к роскоши, празднествам и самым неожиданным выходкам. О нем ходила молва как о человеке легкомысленном и невежественном, и потому полагали, что он вовсе не подходит для столь высокого и ответственного поста. Особенно же опасались, что и в России он не сумеет удержаться от выходок, подобных той, которая навлекла на него королевский гнев: он появился на Кьяйе в вызывающе роскошном экипаже, чем «подал дурной пример согражданам».²

Злые языки имели достаточно поводов для пересудов. Самый же злой из них, принадлежавший аббату Галиани, ограничился кратким приговором: «С первой своей миссией он справился отлично — назначения добился. Значит, справится и с другими».³

Проницательный аббат прекрасно знал Серракаприола, и лаконичное его суждение оказалось пророческим. Антонино мог быть легкомысленным, но при необходимости вел дела умело и осмотрительно; мог быть безрассудным, но в решающие минуты проявлял необычную твердость, прямоту и рассудительность. Правда, большого образования он не получил, но при том вовсе не был таким невеждой, каким рисовала его молва. В образова-

¹ М. Гаэта, герцог Сан Никола, прибыл в Петербург в сентябре 1779 г. Россия назначила своим дипломатическим представителем в Неаполе Андрея Кирилловича Разумовского.

² См.: G. Maresca Donnorso. Note, aggiunte e rettifiche ad «Alcune notizie di famiglia». Napoli, 1955, стр. 38.

³ Там же, стр. 41.

нии герцога и в самом деле имелись серьезные пробелы, но в отличие от большинства современной ему неаполитанской знати те немногие хорошие книги, которые ему довелось прочесть, — он прочел не потому, что они случайно попали ему в руки, и не потому, что он следовал моде, но потому, что они всерьез заинтересовали его; ибо эти книги соответствовали его умунастроению. Книги же полезные, но скучные, он охотно предоставлял читать другим. Герцог был страстным поклонником музыки и театра, и страсть эту, понятно, легко было бы приписать общей его склонности к веселому времяпрепровождению. Однако, если Чимароза и Паэзиелло получили признание и известность в России, то обязаны они были этим именно ему. И немало было в Петербурге итальянских певцов и актеров, которые обретали в вечно безденежном герцоге не только мецената, но и рьяного защитника их интересов.⁴

Столь же просто истолковать «светскостью» герцога его принадлежность к масонству,⁵ которое и в самом деле имело тогда в Неаполе характер несколько легкомысленный: собрания непременно завершались ужинами, которые представляли если не главную, то наиболее привлекательную часть программы. Тем не менее масонские ложи, бесспорно, притягивали людей, которые — пусть даже в умеренной степени! — интересовались проблемами своего времени; через несколько лет полиция эти ложи закрыла.

В свете того, каким явился Серракаприола в дальнейшем на протяжении своей длительной и отнюдь не легкой дипломатической деятельности, можно предположить, что в годы юности, проведенные в Неаполе, стремление к роскоши, намного превосходившее его финансовые возможности, тяга к удовольствиям и бездумным проделкам свидетельствовали не столько о врожденной склонности или необузданности молодого герцога, сколько о беспокойной душе, не умевшей утолить в светской среде свои духовные запросы, найти приложение своим силам. Его поведение более свидетельствовало о том, что он не отыскал еще своего пути. А не обладая при этом культурой, способной отвлечь его, Антонино растрачивал силы на забавы, которые помогали заглушить внутреннее недовольство самим собой.

Со всем тем герцог был достаточно умен, и эти забавы и удовольствия не всегда удовлетворяли его. Имеется свидетельство Казановы, который, посетив герцога, искренне удивлялся, как это герцог мог скучать, живя в обворожительном месте, в обворожительном дворце и с обворожительной супругой, без памяти влюбленной в мужа.

⁴ В Неаполитанском архиве хранятся многочисленные письма итальянских актеров, в которых они взывают к помощи Серракаприола, дабы тот вмешался в их распри с дирекцией театров.

⁵ Он принадлежал к ложе «Дружба» и даже был ее главой («Venerabile»).

Назначение в Петербург разрешило все проблемы. Антонино с женой отбыли из Неаполя в марте 1783 г. и прибыли в русскую столицу 13 сентября. 28 того же месяца он был принят во дворце и вручил верительные грамоты императрице.

Екатерина II не питала особого расположения к итальянцам: Казанова, Калиостро, аббат Касти не вызвали в ней того чувства, которое обычно называют симпатией. Более того, она относилась к ним с недоверием и нескрываемым пренебрежением; она же дала им лаконичную и злую характеристику: «Oiseaux de passage: maigres et de mauvais goût».

Предшественнику Антонино, Муцио Гаэта ди Сан-Никола, удалось отчасти умерить это недоброжелательство; но Антонино ди Серракаприола заставил себя полюбить. Мало того: он сумел снискать такое доверие Екатерины, что она давала ему деликатнейшие поручения, подчас даже предпочитая его отечественным дипломатам. Это, впрочем, не мешало ей прибегать к услугам герцога и в менее существенных обстоятельствах, и в сугубо личных целях. Так, например, желая избавиться от Анны Вяземской, второй дочери князя Александра Алексеевича, Екатерина благосклонно предложила герцогу жениться на княжне.

Анна Александровна не пользовалась расположением своей августейшей повелительницы, и, когда герцог Антонино в 1787 г. овдовел, Екатерина мудро рассудила, что одним ударом она может избавиться от неудобной ей девицы, а заодно и завоевать благодарность герцога, явив свидетельство милостивого своего благоволения к нему. Антонино столь же мудро принял предложенную ему честь. К полному удовольствию Екатерины и Серракаприола брак был заключен. Сорокалетний герцог, сочетавшись с восемнадцатилетней девушкой, породнился, таким образом, с лучшими аристократическими домами России, что само по себе было весьма выгодно для его дипломатической карьеры (впоследствии герцог очень умело этим воспользовался) и *Last not least* — получил за своей супругой имение Мурзино и 80 000 рублей приданого. Приданое отнюдь не лишнее, учитывая постоянные денежные затруднения герцога.

Именно в этот период — бракосочетание состоялось 12 ноября 1788 г. — Серракаприола предпринял перевод «Россиады».⁶ Мы не знаем, когда именно он начал изучать русский язык. Но некоторые ошибки в переводе поэмы, а также тот факт, что на листах с переводом встречаются различные грамматические и фонетические упражнения, заставляет предполагать, что герцог начал серьезно заниматься русским языком лишь за немного месяцев до женитьбы. Мало того, листы с одними только грамматическими упражнениями имеют те же признаки, что и листы с переводом: та же бумага, тот же золотой обрез. Совершенно очевидно, что

⁶ Перевод делался по тексту второго издания (1787 г.).

обе группы листов вырваны из одной переплетенной тетради размером в одну восьмую листа.

Добавим к этому, что если изучение русского языка могло и прежде показаться герцогу полезным — чтобы получить более непосредственное впечатление о стране, чтобы свободнее вращаться в русском обществе и, быть может, чтобы завоевать общее расположение, льстя таким образом национальному чувству, то теперь, в преддверии женитьбы, знание русского языка стало необходимо для герцога просто необходимым.

Конечно, знания французского языка и до и после женитьбы было вполне достаточно для поддержания сношений с двором и тогдашним петербургским обществом. Однако перспектива заняться в скором времени земельными владениями, принесенными женой, весьма вероятно, оказалась решающим стимулом.

Истинный неаполитанец, он отлично знал, как легко обманывать и быть обманутым, и счел за благо подготовиться к тому, чтобы непосредственно вести дела с управляющими и крестьянами. Но как истинный неаполитанец он был к тому же очень любезен, и мы можем предположить, что знание русского языка он надеялся применить и для менее прозаичных и практических целей: например для перевода «Россиады», который мог быть задуман как изящный свадебный подарок супруге.

Почему он выбрал для перевода именно «Россиаду» — нетрудно понять: от Антонино не укрылось, по-видимому, с какой гордостью говорили тогда о Хераскове, как о поэте, благодаря которому Россия могла, наконец, сказать, что и у нее есть своя эпическая поэма. В обществе, где бывал Антонино, хоть и немногие прочитали «Россиаду», зато многие говорили о ней с удовольствием, даже цитируя из нее отдельные стихи.

Не прошло бы незамеченным, если б в каком-нибудь салоне, подхватив цитированные строки, герцог продекламировал начальные стихи по-итальянски:

Canto da' Barbari la Russia liberata,
messo a' piedi il potere de' Tartari, e l'orgoglio abbattuto,
il moto de' militi, i travagli, la guerra sanguinolenta,
della Russia il trionfo, distrutto Kasan.
Nel giro di quei tempi, dei tranquilli anni il principio,
come una risplendente aurora, nella Russia risplende.
O tu, che volando al disopra delle lucenti stelle,
poetico genio! discendi dagli alti luoghi,
sopra la debole mia, e oscura, opera
diffondi i tuoi raggi, il sapere, il tuo lustro.
Apri, o eternità, a me di questo soggiorno le Porte
ove tutta è rigettata la terrestre vanità. . .

Этот перевод, изрядно хромающий на обе ноги, с разноstopными стихами-калеками, представляет собой лишь первый черновой набросок, к которому Серракаприола предполагал вернуться впоследствии и отделать его подобно тому, как он сделал это с «По-

священием» и «Историческим предисловием», от которых остались разрозненные наброски и окончательный перебеленный текст.

До нас дошли 6 листов размером 20 × 30 см. Первый лист, хорошо сохранившийся, сложен вчетверо. Первая страница разделена пополам по длине страницы чернильной чертой: слева русский текст «Посвящения» Екатерине II, справа — итальянский перевод. Сразу после перевода «Посвящения» начинается перевод «Исторического предисловия» до слов: «Ma doppo il Gran Duca Waledimer la dissoluzio» (соответствующего русского текста на левой стороне не вписано). Вторая страница, тоже разделенная чертой, начинается (справа) словами: «ne della Russia in diverse parti» и кончается «la primitiva gloria incirca tre secoli dalla stessa perduta». Третья страница (не разделенная чертой) записана только с правой стороны и кончается словами: «cronologia del роета тисег-» (следует перенос). Конец «Предисловия» содержится уже на втором листе, сложенном вдвое. Умещается он целиком на первой странице.

Совершенно очевидно, что два описанных листа содержат окончательный текст перевода «Посвящения» и «Исторического предисловия». Черновик содержится на другом листе (А). Боковые края его сильно повреждены, а нижняя часть листа пожухла от сырости. Первая страница этого листа содержит русский текст «Посвящения», между строками которого вписан итальянский перевод и транскрибированное произношение. Ниже — русский текст с надстрочным переводом (но без транскрипции) от начала «Исторического предисловия», которое продолжается на стр. 2, 3, 4 листа А до слов «сему государю последовать история затмевает». 3-я страница, записанная только наполовину, содержит в нижней части некоторые места (русский текст другим почерком, перевод — рукой Серракаприола), пропущенные на странице 2 при переписке текста.

Лист В — поврежденный, как и предыдущий, — на первой странице (на две трети) исписан учебными русскими фразами, взятыми из какой-либо грамматики. Остальная часть — русский текст и перевод окончания «Предисловия» (от «воспевая разрушение Казанского царства» до конца) занимает всю вторую страницу. Третья страница содержит текст и перевод начала поэмы, по всей видимости, до стиха 39 (поврежденная нижняя часть листа позволяет прочесть лишь 36-й и частично 37-й стих).

Два других листа (С и D), поврежденных в той же степени, что и предыдущие, содержат перевод некоторых мест первой песни «Россиады» и испещрены множеством поправок.

Дошедшие до нас материалы довольно точно свидетельствуют о возможностях переводчика. Он пишет, например, языком, в котором наряду с изящными выражениями, блистательными синтаксическими находками, порой счастливым лексическим отбором соседствуют случайные слова и лексические неправильности, гал-

лицизмы, слова неаполитанского диалекта, свидетельствующие о том, что с литературным итальянским языком язык герцога Антонино так по-настоящему никогда и не совпадал.

Прозой он владел несомненно искуснее, чем стихом. Переводя «Посвящение» и «Историческое предисловие», он чувствовал себя в своей стихии, и здесь дух подлинника сохраняется куда отчетливее.

Перед поэзией же он беззащитен. В его арсенале не находится самых примитивных средств для воссоздания умелой херасковской риторики. Антонино то слишком плосок, то излишне напыщен и в результате достигает лишь нагромождения темных запутанных периодов.

Конечно, как было сказано выше, от перевода «Россиады» остались только первоначальные наброски.

Изысканный перевод «Посвящения» и «Исторического предисловия» остается для нас данью уважения, которую он намеревался принести русскому языку и русской литературе. Что же касается напрасно затраченного труда на придание итальянской формы восьмидесяти стихам «Россиады», то он был щедро вознагражден восьмьюдесятью тысячами рублей Анны Вяземской, которые, вне всякого сомнения, явились для несостоявшегося поэта тем живительным бальзамом, реальность которого иногда лечит горести, порождаемые несбыточными мечтами.